

**Особенности сочетаемости мифонимов, перешедших
в имена нарицательные**

Статья посвящена мифонимам, перешедшим в имена нарицательные. Анализируются два вида сочетаемости, присущие данным единицам – антропоморфная и неантропоморфная; рассматриваются контексты, в которых реализуются эти виды сочетаемости; кроме того, подробно анализируется один из синонимических рядов, включающих мифонимы, перешедшие в имена нарицательные.

Ключевые слова: имя собственное, имя нарицательное, мифоним, апеллятивизация, олицетворение, семантика, синонимы.

A. A. Kudryavtseva
Volgograd, Russia

**Peculiarity of Compatibility of the Mythic Proper Names which Converted
to Appellative Names**

The article is devoted to mythic proper names, which converted to appellative names. The two kinds of compatibility such anthropomorphous and non-anthropomorphous were analyzed. Both of them are specific to these units. The contexts are considered in which these two kinds of compatibility are realized. One the synonymous lines, which includes mythic proper names converted to appellative names is analyzed in detail.

Keywords: proper name, appellative name, mythic proper name, appellativisation, personification, semantics, nomination, convertible terms.

Апеллятивизация, т. е. явление перехода имён собственных (онимов) в разряд имён нарицательных (апеллятивов), достаточно широко распространена в русском языке. Данный переход осуществляется на основе стилистического приёма прономинации – «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [3, с. 227]. Среди онимов, перешедших в имена нарицательные, заметную часть (около 10%) составляют мифонимы – имена «любой сферы ономастического пространства в мифах, эпосах, сказках, былинах» [8, с. 261]. Это имена персонажей античных мифов (главным образом, богов), которые, подвергшись апеллятивизации, стали обозначать природные объекты или явления (луну, солнце, ветер, зарю), режечувства (любовь), физиологические (сон) и гражданские (брак) состояния, некоторые отвлечённые понятия (возмездие).

Переход данных единиц в имена нарицательные произошёл на основе олицетворения. Олицетворение – это «особый вид метафоры; стилистический приём, состоящий в том, что неодушевлённому предмету, отвлечённому понятию, живому существу, не наделённому сознанием, приписывают свойства, действия, поступки,

присущие человеку, например: *Одни зарницы огневые, Воспламеняясь чередой, Ведут беседу меж собой* (Тютчев) [3, с. 285].

Как отмечают учёные [2, с. 101; 5, с.18], своим происхождением олицетворение обязано тем особенностям архаического мышления, которые получили название анимистических (от *лат.* *anima* – «дух, душа»). Термин «анимизм» ввёл в научный обиход английский этнограф Э. Б. Тайлор, который, анализируя первобытную мифологию и религию, пришёл к выводу о том, что люди в первобытном обществе приписывали наличие души, наравне с человеком, также и животным, растениям и даже верили в «существование отдельной души, или духа, в палке, камне, оружии, лодке, пище, одежде, украшениях и других предметах, которые кажутся нам не только неодушевлёнными, но даже безжизненными» [9, с. 239]. Данный факт объясняется следующими особенностями архаического мышления: во-первых, «высокой степенью слияния индивида с окружающей природой» [4, с. 152], во-вторых, верой в то, что «свойства одних живых существ могут переноситься на другие живые существа и даже неодушевлённые предметы» [4, с. 163]. Сопоставление человеческой жиз-

ни с природной в художественном творчестве А. Н. Веселовский назвал «психологическим параллелизмом» [2, с. 101]. Именно психологический параллелизм лежит в основе олицетворения. Олицетворение, по мнению исследователей, является одним из наиболее распространённых стилистических приёмов; чаще всего оно встречается в фольклоре и художественной литературе (преимущественно в поэзии), а также в публицистике и в языке средств массовой информации [3, с. 183; 6, с. 34; 1, с. 285].

Исследованный нами материал показал, что у апеллятивизированных онимов, образованных на основе олицетворения, наблюдается два вида сочетаемости – антропоморфная и неантропоморфная.

Антропоморфную сочетаемость рассматриваемые единицы приобретают, как нам представляется, тогда, когда актуализируется вспомогательный субъект метафоры, т. е. внутренняя форма апеллятивизированного онима. Приведём примеры подобных случаев: *Или, покрывшись облаками, / Не хочет Феб на нас взглянуть?* (П. А. Вяземский. «Погреб»; ср.: человек (бог) хочет взглянуть); *Когда туманами одетая Аврора / В лесу поющих птиц не будет слышать хора* (П. А. Вяземский. «Послание к Жуковскому в деревню»; ср.: одетая девушка (богиня), девушка (богиня) слышит); *Пока своё чело за роцею далёкой / Диана нежная скрывает...* (А. А. Фет. «Подражание 14 идилии Биона»; ср.: чело девушки (богини), девушка (богиня) скрывает); *Как майский голубокий / Зефир – ты, мой друг, хороша* (А. А. Фет. «Как майский...»; ср.: голубокий юноша (бог)). Нам представляется очевидным, что в приведённых примерах солнцу, луне, заре и ветру приписываются различные качества и свойства, которые могут быть присущи антропоморфному существу – человеку или богу.

При актуализации основного субъекта метафоры рассматриваемые единицы приобретают неантропоморфную сочетаемость, например: *Без неё [без мечты] – с огням Феба / Что лазурный мне алтарь?* (В. Г. Бенедиктов. «Жалобы дня»; ср.: с огнями солнца); *Люблю... Диану полную над детской колыбелью* (А. А. Фет. «К Морфею»; ср.: полная луна); *Уж первый луч Авроры / Блистает сквозь туман на отдалённых горы* (К. Н. Батюшков. Отрывок из 8 песни «Освобождённого Иерусалима»; ср.: луч зари); *Небесного зефира дуновение / Я узнавал в дыхании святом*

(В. Г. Бенедиктов. «Красавица, как райское виденье...»; ср.: дуновение ветра); *Когда, последуя холодному Борею, / Опустошаешь ты зелёные луга* (А. А. Дельвиг. «Дщерь хладна льда!..»; ср.: холодный ветер); *Я слышу: свищет аквилон* (Е. А. Баратынский. Шумы, шуми с крутой вершины...; ср.: свищет ветер). Следует отметить, что примеров, подобных приведённым выше, несколько меньше, чем тех, в которых наблюдается антропоморфная сочетаемость.

В некоторых случаях в одном контексте у апеллятивизированного онима прономинанта наблюдается одновременно два вида сочетаемости, например: *И раскалённый Феб с безоблачного свода / Обишем поля счастливые дарит* (К. Н. Батюшков. «Послание к И. М. Муравьеву»; ср.: раскалённое солнце и бог дарит); *Пусть сияют ваши дни, / Как ваши мысли, ваши взоры / Или пленительной Авроры / Живые, свежие огни* (Н. М. Языков. «М. Н. Дириной»; ср.: пленительная девушка и огни зари); *И в розовых кустах зефиры легки спят* (Ф. И. Тютчев. «Послание Горация к Меценату»; ср.: лёгкие ветры и люди спят); *Диана полная, глядя между ветвей, / Благославляла стол улыбкою своей* (А. А. Фет. «Питомец радости, покорный наслаждению...»; ср.: полная луна и богиня благославляла стол улыбкой). Считаем необходимым особо выделить пример, в котором по отношению к апеллятивизированному ониму аквилон использован эпитет бурнодышащий: *О, спи! безгрешно спи в пределах наших льдистых! / Лелей по-своему твой подземный сон, / Наш бурнодышащий, полночный аквилон, / Не хуже веющий забвеньем и покоем, / Чем вздохи юные с душистым их упоем* (Е. А. Баратынский. «Дядьке-итальянцу»). Здесь в одном слове соединились неантропоморфная (ср.: бурный ветер) и антропоморфная (ср.: дышащий человек) сочетаемость.

Апеллятивизированные мифонимы, образованные на основе олицетворения, образуют синонимические пары или пополняют синонимические ряды с соответствующими апеллятивами. Нами выявлено пять подобных синонимических пар (солнце – поэт. Феб, любовь – поэт. Киприда; сон – поэт. Морфей; брак – поэт. Гименей (Гимен); возмездие – поэт. Немезида) и три синонимических ряда (заря – поэт. денница, Аврора; ветер – поэт. Зефир, Борей, Аквилон, Эол; луна – поэт. Диана, Цинтия, Геката, Луцина).

В качестве примера проанализируем наиболее мощный синонимический ряд.

Это синонимический ряд с доминантой *ветер*, который образовался при участии апеллятивизированных онимов поэт. *Зефир*, *Борей*, *Аквилон*, *Эол*. Все данные апеллятивизированные онимы образовались от имён персонажей античных мифов. Зефир – греческий бог западного ветра, Борей – греческий бог северного ветра, Аквилон – римский бог северного ветра, Эол – повелитель ветров, правитель острова Эолия). Анализируемые единицы встречаются в русской поэзии XIX в.

Апеллятивизированный оним *Зефир* обнаруживает способность иметь как неантропоморфную, так и антропоморфную сочетаемость: *И веет с пурпурных садов /Зефир восточным ароматом* (Д. В. Давыдов. «Полусолдат»; ср.: *веет ветер*); *Какой зефир тебя занес /В мою печальную обитель?* (В. А. Жуковский. «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу»; ср.: *ветер занёс*); *Как зефира дуновеньем, /От каштановых волос /Тонкий запах свежих роз* (К. Н. Батюшков. «Привидение»; ср.: *дуновенье ветра*); *Не сказывай, что взор встречается, /Когда покров с себя ночной /Откинёт лёгкою ногой, / Или зефир его сдувает!* (П. А. Вяземский. «К подушке Филлиды»; ср.: *ветер сдувает*); *Гиацинт своих кудрей /За колечком вил колечко, /Но шепнул ему зефир /О твоих кудрях словечко* (А. А. Фет. «Гиацинт своих кудрей...»; ср.: *человек шепнул*); *От незримых уст зефира /Влага блещет чешуей* (А. А. Фет. «На волнах Гвадалквивира...»; ср.: *уста бога*); *Зефир, в волосы вплетаясь, /Локоном играет* (А. А. Дельвиг. «Тленность»; ср.: *ребёнок играет*); *Не долетает к сим стенам /Зефира лёгкое дыханье* (В. А. Жуковский. «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу»; ср.: *дыханье человека*).

Апеллятивизированный оним *Зефир* традиционно используется в значении "приятный, лёгкий ветер". Это подтверждается множеством примеров: *Дотронешься к лесам – и деревья пустеют /Не зефир между их, но бурный ветр свистит* (А. А. Дельвиг. *Дочь хладна льда!..*; доказательством наличия у анализируемой единицы семы "лёгкий" служит наличие в тексте противопоставления); *Дышит влагою прохладной / Упоительный зефир* (А. И. Полежаев. «Романсы»; эпитет *упоительный* может быть использован, только если речь идёт о легком, приятном ветре); *Но я – не к счастью пробуждён /Зефира тихими крилами* (К. Н. Батюшков. «Пробуждение»); *Как тихо веянье зефира по водам /И гибкой ивы трепетанье* (В. А. Жу-

ковский. «Вечер»); *...По синеве морей /Зефир скользит и тихо веет* (А. С. Пушкин. «Земля и море»); *Оставь, о Дорида, на стебле лилею; / Она меж цветами прелестна, как ты: /Пусть тихо зефиры колеблются с нею /И рой легкокрылый собирает соты* (А. А. Дельвиг. «Лилея»); *Зефир цветы едва целует* (П. А. Вяземский. «Отложенные похороны»).

Апеллятивизированный оним *Борей* также обнаруживает способность к разным типам сочетаемости: *Бореи свищут, прах метут* (Д. В. Давыдов. «Чиж и роза»; ср.: *ветры свищут*); *Наконец Борей в досаде /Замолчал; и вдруг из туч /Показало солнце луч* (В. А. Жуковский. «Солнце и Борей»; ср.: *бог в досаде замолчал*).

Анализируемая единица употребляется в значении "неприятный, холодный ветер": *Сокрылось солнце – и ужасной /Борей завыл в стране, где всё животворил /Зефир дыханьем благодатным* (В. Л. Пушкин. «Гнев Зевеса»; ср.: **лёгкий, приятный ветер завыл*); *И мразы бурные от дремоты проснутся /И ратовать Борей на землю полетит* (А. А. Дельвиг. «Дочь хладна льда!..»; употреблённое поэтом слово *мразы* свидетельствует о том, что речь идёт о зиме, когда дуют только холодные ветры); *Вослед, метелями повита /Зима с бореями придёт* (А. А. Дельвиг. «Настанет час ужасной брани...»); *Бывало, ни Борей /Суровый... /Ни снег и дождь – ничто неймёт его* (Н. М. Языков. «Элегия»); *Бореи свищут, прах метут; /Листочки розы побледнели.* (Д. В. Давыдов. «Чиж и Роза»; ср.: **лёгкие, приятные ветры свищут*). И *листья на другом [деревце], размокнув и желтея, /Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борей* (А. С. Пушкин. «Румяный критик мой...»; то, как описаны листья, свидетельствует о том, что поэт говорит об осени, когда ветры становятся холодными).

Апеллятивизированный оним *Аквилон*, подобно рассмотренным выше единицам, может иметь как антропоморфную, так и неантропоморфную сочетаемость: *Я слышу: свищут аквилон* (Е. А. Баратынский. «Шумы, шуми с крутой вершины...»; ср.: *свищут ветры*); *Нет! взгляните: в бурное ненастье, /Стихий свободю дыша, /Сквозь дождь он город пробегает, /И сельский Аквилон играет /На древних дикостью скалах /В его измоких волосах!* (А. А. Дельвиг. «Поэт»; ср.: *ребёнок играет*).

Рассматриваемый апеллятивизированный оним, как и слово *Борей*, имеет значение "неприятный, холодный ветер". Данный факт можно подтвердить рядом при-

меров: *Зачем ты, грозный аквилон, / Гростник прибрежный долу клонишь? / Зачем на дальний небосклон / Ты облачко столь гневно гонишь?* (А. С. Пушкин. «Аквилон»; к приятному, лёгкому ветру не может быть применён эпитет *грозный*); *И аквилон в широком поле / Останки Рима разнесёт* (А. И. Полежаев. «Гимн Нерона»; ср.: *лёгкий ветер разнесёт останки Рима). Однако нами зафиксирован пример, где слово *аквилон*, судя по всему, не содержит сем "неприятный", "холодный": *Нард, алой и киннамон / Благовонием богаты: / Лишь повеет аквилон / И закаплет ароматы* (А. С. Пушкин. «Вертоград моей сестры»). Во-первых, анализируемая единица сочетается с глаголом *повеет* (веять – «дуть, обдувать дуновением» [7, с. 73], дуновение – «лёгкое движение воздуха» [7, с. 167]). Во-вторых, в контексте упоминаются южные растения. По нашему мнению, данная единица употреблена здесь в значении "лёгкий, тёплый ветер".

Апеллятивизированный оним *Эол* гораздо менее частотен, чем рассмотренные выше синонимы слова *ветер*. Данная единица также обнаруживает способность иметь разногипсную сочетаемость: *С тех пор – игралнице Эола – / Кружусь печально среди дола* (Д. В. Давыдов. «Листок»; *игралнице (игрушка)* может быть только у антропоморфного существа); *Пробудится ненастливый Эол, / Пред ним помчится прах летучий* (Е. А. Баратынский. «Осень»; ср.: *пробудится человек и ненастливый ветер*); *И вдруг прыжок, и вдруг летит, / Летит, как пух от уст Эола* (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»); ср.: *уста человека*). Приведённые примеры, как нам представляется, не позволяют говорить о каких-либо семантических различиях между словом *Эол* и словом *ветер*.

Таким образом, апеллятивизированные онимы *Зефир*, *Борей*, *Аквилон* и *Эол* отличаются от доминанты *ветер*, во-первых, стилистически, т. к. используются, в отличие от неё, только в поэтической речи. Кроме того, все они отличаются от доминанты данного синонимического ряда эпидигматически. Апеллятивизированные онимы *Зефир*, *Борей* и *Аквилон* имеют также семантические различия с доминантой: *Зефир* – "приятный, лёгкий ветер", *Борей* и *Аквилон* – "неприятный, холодный ветер". Значение доминанты шире: ветер может быть холодным и тёплым, приятным и неприятным, тихим и ураганным и т. п. Апеллятивизированные онимы *Борей* и *Аквилон*, на первый взгляд, являются абсолютными синонимами. Однако рассмотренный выше пример показывает, что у последнего семы "холодный, неприятный" могут и не актуализироваться. По отношению к апеллятивизированному ониму *Зефир* данные единицы являются семантическими синонимами.

Следует отметить, что входящие в данный синонимический ряд единицы являются ярким примером того, как внутренняя форма слова может оказывать регулирующее влияние на его семантику. Так, имена греческого и римского богов северного ветра стали нарицательными при обозначении холодного, неприятного ветра, а имя повелителя всех ветров применяется при обозначении ветра вообще.

Результаты рассмотрения синонимических пар и рядов, которые включают апеллятивизированные онимы, образованные на основе олицетворения, позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что в качестве лексической основы олицетворения нередко выступают имена собственные.

Список литературы

1. Бельчиков Ю. А. Олицетворение // Русский язык. Энциклопедия. М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. С. 285.
2. Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. С. 101–154.
3. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
4. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М. : Прогресс, 1983. 304 с.
5. Константинова С. К. Семантика олицетворения. Курск : Изд-во КГПУ, 1997. 112 с.
6. Некрасова Е. А. Олицетворение как элемент художественного идиостиля // Стилистика художественной литературы. М. : Наука, 1982. С. 34–45.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд-е 11-е, стер. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1975. 846 с.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.
9. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М. : Политиздат, 1989. 376 с.